

PKD

**PHILIP K. DICK
AND ROGER ZELAZNY**

DEUS IRAE

ФИЛИП К. ДИК И РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ГОСПОДЬ ГНЕВА

МОСКВА
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Philip K. Dick and Roger Zelazny
DEUS IRAE

Copyright © 1976, Philip K. Dick & Roger Zelazny

Copyright renewed © 2005 Laura Leslie, Christopher Dick,
Isolde Hackett, Judith C. Zelazny, Devin J. Zelazny,
Trent Zelazny, Sharon A. Zelazny

All rights reserved

Published by permission of The Estate of the Author and
their literary agents, Zeno Agency Limited (Great Britain) via
Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Дик, Филип Киндред.

Д45 Господь гнева / Филип К. Дик и Роджер
Желязны ; [перевод с английского В. Задорожного]. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-118393-6

После Третьей мировой войны служители культа Господа Гнева обожествили таинственного Карлтона Люфтойфеля, создателя оружия Судного дня, уничтожившего большую часть человечества. Но для поклонения нужен божественный образ, а Люфтойфеля никто и никогда не видел. И тогда первосвященники отправляют художника Тибора Макмастера в пустыню, чтобы найти Карлтона и запечатлеть на полотне. К несчастью для Тибора, оставшиеся в стране христиане не хотят, чтобы он преуспел в своей миссии, и готовы убивать, лишь бы лик так называемого Deus Irae по-прежнему оставался сокрытым.

Галлюцинаторный квест в мире постядерных пустошей поднимает вопрос о том, какую цену художник должен заплатить за искусство и как именно создаются боги.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Задорожный, перевод на
русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформ-
ление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2021

ISBN 978-5-04-118393-6

Глава 1

Вот! Пегая коровенка, белая с черными пятнами, тащит инвалидное кресло — тележку на велосипедных колесах. А он на тележке, посередке.

Нежась в лучах утреннего солнца на пороге церкви, лицом на север, в сторону Вайоминга, отец Хэнди углядел на дороге церковного служителя — корова голштинской породы трусила по ухабам, и шишковатая голова безрукого и безногого тела моталась то из стороны в сторону, то взад-вперед, выплясывая сумасшедшую джигу.

«Неважнецкий день, — подумал отец Хэнди. — Предстоит сообщить Тибору Макмастерсу малоприятную новость».

Священник юркнул обратно в церковь, дабы оттянуть встречу. Однако Тибор его не заметил. Калека был погружен в свои думы, к тому же его мутило — Макмастера всегда мутило перед началом работы. Видать, муки творчества. К горлу подступала тошнота, и донимал надсадный кашель. Угнетал всякий запах, любой вид — даже вид собственной картины.

Отец Хэнди всякий раз дивился этому утреннему бунту тиборовских чувств — как будто калека охотно бы помер в течение ближайших суток.

Что до священника, то он безмятежно радовался солнышку, согревавшему их Шарлоттсвилль, горо-

док в штате Юта. Воздух в церкви был напоен горячим ароматом высокого клевера, растущего на окрестных пастбищах. Вдалеке позвякивали колокольцы на шеях коров...

Одно скребло душу посреди этой гармонии — не столько вид Тибора, сколько соощущение страданий.

Вон, позади алтаря, малая толика его работы — та, что уже закончена. Лет пять понадобится Тибору для ее завершения. Но что время в делах такой важности? Ведь это сотворится навечно... «Впрочем, нет, — подумалось отцу Хэнди, — се есть дело рук человеческих, а потому тлену обречено — это делается на века, для череды поколений».

Еще одно «впрочем» — это дело не рук. Иерархами решено было доверить сие работнику, «коего телесное состояние не позволяет преклонить колени или сотворить крест», то бишь безрукому и безногую. А коли не справится один, ему вослед придет другой безрукий-безногий, покуда работа не будет завершена.

— Му-уууууу, — басовито отозвалась голштинка, когда Тибор, при помощи сделанной в Штатах ай-сибиэмовской системы экстензоров, натянул поводья и осадил свою скакуню на заднем дворе церкви, где ржавел без дела, со спущенными шинами, принадлежащий отцу Хэнди «Кадиллак» выпуска 1976 года, облюбованный в качестве насеста смешными милыми крохами — золотистыми цыплятами. Это мексиканское отродье светилось в темноте и немилосердно гадило...

«Ну и ладно, пусть себе гадят. Маленькая стая прелестных засранцев — потомков достославного Герберта Джи, который во время оно заклевал на смерть всех своих соперников и утвердился в роли

патриарха. Был всем петухам петух! — с грустью припоминал его отец Хэнди. — Ныне Герберт Джи покоится в саду, где плоть его дожирают червяки да жуки. Жуки-мутанты. Жирные, как не знаю что».

Священник на дух не переносил этих жуков — поразвелось тварей! Вон их сколько — и таких разных — прет отовсюду... Так что он души не чаял в любых жукоедах и всем сердцем любил своих пернатых друзей. Птиц, смешно сказать, любил, а вот людей...

Но люди иногда являлись. Неизменно — во вторник, в день церковного праздника, установленного (сознательно, нарочито) взамен устаревшего христианского воскресенья.

Отец Хэнди, находясь внутри здания, в жилой пристройке, нутром чувствовал, как на заднем дворе Тибор распрягает свою голштинку. Затем инвалидная коляска своим ходом, благодаря электромотору, катит в церковь — по специально сооруженному деревянному настилу. А сейчас калека, порыгивая, берет себя в руки — экие злые шутки играет язык, когда говоришь о калекке! — иначе говоря, собирается с духом, готовясь продолжить прерванную вчера на закате работу.

Отец Хэнди обратился к своей супруге Или:

— Будь добра, позаботься о горячем кофе для него.

— Хорошо, — ответила та.

Смирная пигалица, сухонькая и морщинистая. Не без брезгливости он наблюдал за движениями ее бессочного, дряблого тела, покуда она покорно доставала чашку и блюдце, — без любви делает, без тепла в душе, верная служанка своего мужа — и не более чем служанка.

— Доброе утречко! — весело крикнул Тибор.

Это в нем чуть ли не профессиональное — быть всегда веселым, даром что на душе кошки скребут и подташнивает от тоски.

— Черный, — сказал отец Хэнди. — Горячий. Уже готов.

Он посторонился, чтобы громоздкая тележка проехала по коридорчику в церковную кухню.

— Утро доброе, миссис Хэнди! — сказал Тибор.

Не оглядываясь — не любила она глядеть на калеку, Или Хэнди прошуршала:

— Доброе утро, Тибор. Мир тебе, и да пребудет с тобой Дух Святой.

— Мир или мор? — спросил Тибор, подмигивая отцу Хэнди.

Ответа не последовало — смиренная пигалица прилежно хлопотала по хозяйству.

«Какие только формы не принимает ненависть, — думал отец Хэнди, глядя, как жена берет молоко с холода. — Сколько бывает оттенков и оттеночков в скрытом недружелюбии!»

Сам он любил ненависть откровенную — ее легко выплеснуть, извергнуть... А чтобы вот так — только через отсутствие ласки, через официальный тон...

Тибор приступил к сложному для него процессу питья кофе.

Перво-наперво, чтобы коляска не ерзала, Тибор ставил ее на тормоз. Затем с помощью нехитрого соленоидного переключателя, нажимая подбородком на кнопки пульта дистанционного управления, он переводил батарею на жидком гелии из режима обслуживания мотора тележки в режим постоянной работы манипуляторов-экстензоров. Аккуратного вида алюминиевые гидравлические манипуляторы удлинялись, и на их конце через воротца выскакивали шесть механических пальцев, соединенных

тяжами с мускулами плеча. Сейчас эти пальцы пришли в действие и приподняли со стола пустую чашку. Тибор вопросительно уставился на хозяйку.

— Кофейник на плите, — промолвила Или с выразительной ухмылкой.

Пришлось снять тележку с тормоза, проехать к плите, снова жать подбородком на кнопки — обездвигивать кресло на велосипедных колесах и оживлять манипуляторы. Наконец кофейник оказался в шестипалом экстензоре. Алюминиевый манипулятор поднимал его рывочками, придрагивая, словно рука страдающего болезнью Паркинсона. Однако айсибиэмовская чудо-техника позволила наполнить чашку, почти не пролив кофе.

Отец Хэнди горестно крикнул и сказал:

— Не присоединяюсь к тебе, ибо сегодня ночью и давеча утром страдал желудочной коликой.

Он чувствовал себя физически разбитым. «Даром что у меня полный комплект членов, нынче с утра мне не лучше твоего — железы и гормоны как взбесились!»

Священник закурил сигарету — первую на сегодня. Затянувшись слабоватым, но настоящим табачком, он ощутил некоторое облегчение: клин клином вышибают — этот яд снижал содержание в крови прочих ядов.

Отец Хэнди приободрился, сел за стол напротив Тибора, который с неизменной развеселой улыбкой безропотно отхлебывал не в меру горячий кофе.

Однако, однако...

«Порой невнятная физическая боль есть наше предвиденье неприятностей, — думалось отцу Хэнди. — Не потому ли я так разбит с самого утра? И не потому ли так плохо тебе, Тибор? Твоя улыбочка меня не обманывает. Предчувствуешь, чем я тебя

огорошу — точнее, обязан огорошить? А выбирать мне не приходится, потому как я червяк, фитюлька — что прикажут, то и делаю. Один день в неделю, по вторникам, во время проповеди, моими устами глаголет истина — впрочем, и дня мне не дано, а только какой-то час».

— Ну, Тибор, — сказал отец Хэнди, — *wie geht es heute?*

— *Es geht mir gut*¹, — незамедлительно отозвался Тибор.

Обычно они с наслаждением предавались воспоминаниям и вели ученые диалоги на немецком языке, охотно тревожа тени Гете и Гейне, Шиллера, Кафки и Фаллады. Оба жили для этого и этим. Теперь, когда только назревала очередная долгая работа, их общение носило характер почти священного ритуала, приготавливая духовную почву для работы. Когда же художник с головой уходил в работу, для бесед оставались только густые сумерки — за невозможностью долго рисовать при жидком свете керосиновых ламп или церковного камина. «Никудышное освещение, — временами жаловался Тибор и, привыкший преуменьшать свои горести, добавлял: — От него глаза подустают».

На самом же деле ему грозило превеликое несчастье: ежели, не приведи господь, зрение испортится, ни очков, ни специалиста по их изготовлению он не сыщет. Насколько было известно отцу Хэнди, на просторах Вайоминга и Юты в последнее время не найти ни одной линзы.

А коли возникнет острая нужда в очках, Тибору придется отправиться в странствие. Отец Хэнди и думать не хотел об этом — чаще всего церковные

¹ «Как поживаешь сегодня?» — «Отлично» (нем.).

служащие, насильно отправленные в путешествие, так и не возвращались. Причина их невозвращения оставалась загадкой: может быть, они оставались, потому что в других очагах цивилизации было лучше... Или их не отпускали обратно из мест, где было еще хуже? Судя по сообщениям радио — новости передавали ежедневно в шесть часов вечера, — в некоторых районах было лучше, в других хуже.

Теперь мир был дискретным, состоял из множества островков цивилизации. Все связи между ними были разрушены. Те самые связи, которые создавали прежнее хваленое повсеместное «единообразие».

— «Ты понимаешь?» — речитативом пропел отец Хэнди строчку из «Руддигора».

Тибор тут же прекратил пить кофе и пропел в ответ следующую строку:

— «Пожалуй, понимаю. Всенепременно долг исполнить надо!»

Он даже поставил чашку обратно на стол, защелкав своими манипуляторами.

— «Закон относится ко всем...» — продолжил отец Хэнди.

Как бы про себя, с подлинной горечью, Тибор допел:

— «...кто уклониться от него не смог!»

Он повернул голову в сторону священника и уставился на него долгим взглядом, нервно облизывая губы.

— В чем, собственно, дело? — наконец спросил калека.

«А дело в том, — подумал отец Хэнди, — что я несвободен; я частица большой системы — последнее звено цепи, которое ходит ходуном, приплясывает и гоношится, когда всю цепь дергают там, вверху, на другом конце. Мы веруем, сам знаешь, что на том

конце обретается Нездешнее, коего смутные распоряжения мы честно стараемся понять и выполнить, ибо верим — знаем! — что его хотения не просто непреложны, но и справедливы».

— Мы не рабы, — произнес он вслух. — Хотя все мы — слуги. Мы вольны оставить службу. И ты — тоже. Даже я мог бы покинуть свой пост, если бы посчитал нужным. — «Но этого не сделаю — давным-давно принял окончательное решение и связал себя самого тайной клятвой». — Вот ты, зачем ты здесь работаешь?

Тибор ответил с осторожностью:

— Ну, потому что вы мне платите.

— Плачу, но не принуждаю.

— Есть-то надо. Какой я никакой, а пищу потребляю.

Отец Хэнди произнес приподнятым тоном:

— Нам ведомо, что ты мог бы без труда найти работу — где угодно и какую угодно. Твоим талантам всюду найдется применение, даром что ты... увечный.

— Дрезденская оратория, — вдруг произнес Тибор.

— А? Что? — растерялся священник.

— Как-нибудь, — сказал Тибор, — подключите генератор к электронному органу, я сыграю вам ее, и вы ее узнаете. Дрезденская оратория, она поднимает дух. Она указывает горе. Туда, в высь небесную, откель вас взашей выгнали.

— О, совсем не так! — запротестовал отец Хэнди.

— О, совсем так! — ядовито возразил Тибор, и его исхудалое лицо пошло морщинами от разом закипевшей ярости, ибо дело касалось кровных его убеждений. — Пусть оно и «доброе», это ваше милосердное могущество. Все равно оно *вынуждает*

вас делать некоторые вещи, которым и название подыскивать нет охоты. Скажите мне прямо: мне что, надо закрасить уже нарисованное? Или заказ на фреску отменяется вообще?

— Нет, речь идет о завершающей части фрески. Уже сделанное — великолепно. Мы послали цветные снимки на тридцатимиллиметровой пленке. От них пришли в восторг. Ну, сам знаешь кто — Попечители Церкви.

Тибор задумчиво произнес:

— Чудеса! Можно добыть цветную пленку, можно где-то проявить ее... А вот газет больше нет и в помине.

— Велика беда! Слушай радио — последние новости передают в шесть вечера, — наставительно сказал отец Хэнди. — Вещают из Солт-Лейк-Сити.

Он уповал, что Тибор подхватит разговор. Но ответной реплики не последовало. Человек-обрубок помалкивал и сосредоточенно пил кофе.

Тогда отец Хэнди спросил:

— Знаешь, какое самое древнее слово в современном английском языке?

— Нет, — коротко отозвался Тибор.

— Могущество, — торжественно произнес отец Хэнди. — Ему соответствует немецкое слово «macht»¹. Однако слово «могущество» восходит даже не к прагерманскому. Его происхождение еще древнее — от хеттского языка!

— Гм, гм.

— Исходное слово — «mekkis», то есть «сила».

Тут отец Хэнди опять сделал паузу, чтобы Тибор поддержал разговор. Не дождавшись ответной ре-

¹ Английское слово «might» — могущество — созвучно немецкому «macht».

плики, он вдруг пропел двустигийе из моцартовой «Волшебной флейты»:

— «Что ж приумолкла ты? Пристало женщинам болтать, мужчинам же — делами заниматься!»

Тибор угрюмо отозвался:

— А разве это не вы болтаете?

— Что ж, я лясы точу, а делами заниматься предстоит тебе, — вздохнул отец Хэнди. — Что-то я хотел сказать... Ах да, баран!

На пятиакровом пастбище, за церковью, паслись шесть его овец.

— Вчера Теодор Бентон одолжил барана для моих овечек, — сказал отец Хэнди. — Баран староват, с седой бородкой... Ну так вот, прибежала собака, этот рыжий ирландский сеттер Йейтса, и попробовала напасть на стадо. Да ты видел этого сеттера — он что ни день гоняет моих овец.

Калека неожиданно заинтересовался и поднял голову:

— Ну и что баран?

— Собака пять раз приближалась к стаду. И пять раз баран начинал медленно-медленно двигаться в сторону собаки, оставляя стадо за своей спиной. Собака, разумеется, тут же останавливалась, когда замечала, что баран направляется к ней. Ей не хотелось познакомиться с его рогами. А баран тоже останавливался — и делал вид, что пасется. — Отец Хэнди улыбнулся, припоминая эту сцену. — Что за умница старик! Я видел, как он пасется, а один глаз косит на собаку. Собака то лает, то скулит, а он знай себе пощипывает травку. Тут собака начинает опять красться к овцам. Баран начеку и двигается в ее сторону. Собака останавливается... Но в последний раз собака применила другую тактику — ринулась вперед бегом. И оказалась между бараном и овцами.

— И стадо начало удирать?

— Да. А собака — ну, ты сам знаешь их повадки, они это умеют — валит овцу, а потом убивает ее или калечит и первым делом полосует ей брюхо, выворачивает внутренности. — Отец Хэнди помолчал. — Ну так вот, про этого барана. Он очень старый. Он не мог догнать собаку и заступиться за овец. Он просто повернулся и смотрел на происходящее.

Оба собеседника какое-то время задумчиво молчали.

— А способны ли они думать? — спросил Тибор. — Я имею в виду баранов.

— Понятия не имею. Зато знаю, о чем думал я. Хотел бежать за ружьем. Чтоб убить собаку. Я должен был ее убить.

— Будь я на месте барана, — сказал Тибор, — и мне довелось бы наблюдать, как собака пробегает мимо меня и накидывается на овец, а я мог бы только наблюдать...

Он растерянно замолчал.

— Ты бы подумал: «Лучше бы мне умереть, чем вот так стоять!..»

— Вот именно.

— Стало быть, смерть действительно иногда благо, как мы учим Служителей Гнева. А не зло, как учат христиане. Помнишь, как в послании Павла: «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?»¹ Надеюсь, ты улавливаешь мою мысль?

Тибор медленно произнес:

— Вы хотите сказать: не можешь выполнить свою работу — лучше умри... И какую работу должно исполнить мне?

¹ Первое послание к Коринфянам, 15:55.